

АРАБСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Султыгова Мари́фа Магометовна, доктор филологических наук, профессор, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Зязикова, 7, e-mail: ing_gu@mail.ru.

Мейриева Ашат Султановна, кандидат филологических наук, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Зязикова, 7, e-mail: meirieva2017@yandex.ru.

В статье рассматриваются арабские заимствования в ингушском языке. Под влиянием системы многие заимствования претерпевают значительные фонетические, семантические и грамматические изменения, приспособляясь к законам ингушской лексической системы. Процесс ассимиляции характеризуется определенной глубиной: зачастую иноязычное происхождение слова не ощущается носителями ингушского языка, а обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа.

Ключевые слова: ингушский язык, арабизмы, ассимиляция, заимствования, иноязычная лексика, тематическая группа

ARABIC LEXICAL BORROWINGS INGUISH LANGUAGE

Sultygova Marifa Magometovna, Doctor of Philology, Professor, 386001, Republic of Ingushetia G. Magas, 7 I. Zyazikova ave., e-mail: ing_gu@mail.ru.

Marieva Ashat Sultanovna, Candidate of Philological Sciences, 386001, Republic of Ingushetia, Magas, G., 7 I. Zyazikov ave., e-mail: meirieva2017@yandex.ru.

The article deals with Arabic borrowings in the Ingush language. Under the influence of the system, many borrowings undergo significant phonetic, semantic and grammatical changes, adapting to the laws of the Ingush lexical system. The process of assimilation is characterized by a certain depth: often the foreign-language origin of a foreign word is not felt by native speakers of the Ingush language, but is found only by means of etymological analysis.

Keywords: Ingush language, arabisms, assimilation, borrowings, foreign language vocabulary, thematic group

В лингвистике под заимствованием в широком смысле понимается как процесс усвоения одним языком слова, выражения или значения другого языка, а также результат этого процесса в виде заимствованной лексической единицы. В результате лексического заимствования увеличивается лексическое богатство заимствующего языка, при котором заимствуемое слово служит источником новых корней, ряда словообразовательных элементов. Надо отметить, что заимствование обусловлено самой сутью языковой деятельности человека.

Известный советский лингвист А.А. Реформатский, касаясь проблемы лексического заимствования иноязычных слов, писал: «...нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» [4, с. 108].

Лексическое заимствование как языковой процесс является результатом языковых взаимоотношений, обусловленных, в свою очередь, взаимовлиянием различных народов и их культур.

В далеком прошлом нахские народы были непосредственными участниками и свидетелями многих исторических контактов и передвижений раз-

личных народов и племён. Данный факт не мог не отразиться в нахских языках: процесс исторического изменения и развития языков этих народов характеризовался, в том числе, и заимствованием как одним из основных источников лексического обогащения языка.

Проблемы лексического заимствования в целом, в том числе и из арабского языка, исследованы целым рядом учёных-кавказоведов современности: В.И. Абаевым, А.К. Шагировым, С.М. Забитовым, А.А. Куркиевым, И.Ю. Алироевым и др. Частично коснулись данной проблемы (применительно к арабизмам в современном ингушском языке) в работе «Лексикология и фразеология ингушского языка» З.Х. Киева и М.М. Султыгова [1].

Таким образом, практически в каждой работе кавказских лингвистов, посвящённой лексике и лексикологии, имеются разделы о заимствованной лексике, в которых исследованы и арабизмы.

История проникновения арабизмов в ингушский язык характеризуется определенной этапностью как самого процесса заимствования и его активностью, так и ролью того или иного языка в качестве языка-посредника. Нельзя не согласиться с мнением профессора А.С. Куркиева, отметившего, что «...единичные арабские слова стали появляться в ингушском языке, по-видимому, еще с конца 18 в. Массовые проникновения арабизмов в ингушском языке началось, надо думать, с середины XIX века в связи с окончательным утверждением ислама в Ингушетии. (...) Поэтому арабские заимствования в большинстве своем – это слова, связанные с исламом и мусульманской моралью» [2, с. 121].

И, действительно, с появлением в XIX столетии в Ингушетии многочисленных медресе и последующим распространением мусульманских религиозных ритуалов активизировался и процесс заимствования ингушским языком арабской религиозной терминологии. Как справедливо отмечено исследователями ингушского языка, «...благодаря арабскому языку вайнахские языки обогатились не только огромным количеством арабских слов, но и некоторым числом среднеперсидских слов, ранее вошедших в арабский словарный фонд: инг. *бел* «лопата» – ср.-перс. *bel*; *буру* «крепость» – ср.-перс. *baru*; (...), инг. *думи/дими* «курдюк (...)» – ср.-перс. *dum/dumbak* «курдюк» и др.» [1, с. 113–114].

В ранний период арабские термины входили в ингушский язык в основном из общественно-политической и религиозной сферы, в том числе и персидские термины посредством арабского языка: *халкъ* «народ», «нация»; *сурт* «образ» и др. Примечательно, что наряду с указанными заимствованиями в современном ингушском языке активно функционируют и исконно ингушские термины: *къам* «народ», «нация», «национальность»; *амат* «образ».

Анализируя арабизмы современного ингушского языка, можно их распределить на следующие основные лексико-тематические группы.

1. Религиозные понятия, которые составляют абсолютное большинство: *ди / дин* «религия», «вера»; *Аллах!* «Аллах»; *малейк* «ангел»; *Корла* «Коран»; *имам* «имам»; *хъажол* «хадж», «паломничество»; *хъажо* «хаджи»; *шарла* «шариат»; *маъждиг* «мечеть»; *суннат* «сунна»; *ламаз* «намаз»; *тоба* «покаяние»; *шайтла* «шайтан», «черт»; *ахърат* «загробный мир»; *къемат ди* «судный день», «день воскресения»; *дула* «молитва»; *ложал* «смерть», «смертный час»; *овляъ* «святой»; *пайхлмар* «пророк»; *иман* «вера»; *лазап* «мука», «страдание»; *жин* «джин», «дух»; *васкет* «завещание» и др.

2. Общественно-политические, бытовые понятия, а также понятия и термины из сферы образования и науки: *ладат* «адат», «свод обычаев и традиций»; *илма* «наука»; *лаьдал* «закон», «власть»; *хъаьххал* «ум», «разум»; *лалам* «мир», «природа»; *илман саг* «учёный»; *даим* «постоянно»; *дуне* «вселенная», «мир»; *хъисап* «представление»; *къоабал* «одобрение»; *дарж* «степень»; *хъурмат* «бережливость»; *нилмат* «благодать»; *хъал* «положение», «состояние»; *беркат* «изобилие»; *хъаьнал* «безгрешный», «одобряемый»;

хъарам «запретный»; *аьсала* «покорный», «безобидный»; *мутлахь* «преданный», «согласный»; *фо* «воздух»; *нур* «сияние»; *сибат* «облик», «лицо»; *мапан* «значение», «смысл»; *масхьаб* «направление», «течение»; *масала* «пример»; *низам* «порядок», «власть закона», «режим»; *сабар* «спокойствие»; *пайда* «польза», «выгода»; *питам* «хитрость», «уловка»; *хьакь* «доля»; *аьлат* «ошибка»; *хабар* «разговор», «новость», *кьоалам* «карандаш» и др.

3. Названия одежды, домашней утвари и продуктов питания: *халат* «халат»; *алтаз* «атлас»; *хьовла* «халва»; *зейт* «олива»; *зейтдаьтта* «оливковое масло»; *дов* «иск», «претензия»; *зе* «ущерб», «вред», «убыток» и др.

4. Антропонимика: *Мохьмад/Мухьаммад* «Мухаммед»; *Ахьмад* «Ахмед»; *Махьмуд* «Махмуд»; *Исмаил* «Исмаил»; *Жабраьил* «Джабраил»; *Мувса* «Муса»; *Ийса* «Иса»; *Ибраьхлим* «Ибрагим» и др.

5. Служебные слова: *ва* «соединительный союз»; *хьета* «так как», «даже», «несмотря на»; *амма* «но».

Это далеко не полный перечень арабизмов и их тематических групп, вошедших в ингушский язык и активно в нём употребляющихся.

Говоря о степени освоенности арабизмов ингушским языком, следует отметить, что освоенными, на наш взгляд, можно считать заимствования, которые стали единицами языка в качестве наименований какого-либо явления действительности, характеризуются регулярным употреблением в речи ингушей, приобретают новые значения, которыми они не обладали в языке-доноре, а также обладают в языке-реципиенте фразеологической активностью. Как известно, способность заимствованного слова принимать участие в словообразовательном процессе, обусловленная его функциональной активностью в языке-реципиенте, является одним из существенных признаков его освоенности.

Таким образом, основными признаками освоения арабизмов ингушским языком являются их фонетическая и грамматическая ассимиляция, активность их употребления в живой речи и их способность входить в состав устойчивых словосочетаний. В процессе установления арабизмов в ингушском языке мы не забывали о том, что самым надежным критерием при определении заимствования является его фонетический состав, так как противоречие определенного слова фонетическим законам языка-реципиента (в нашем случае – фонетическим законам ингушского языка) является признаком иноязычного происхождения слова. Другие критерии, а именно: разница в значении слова и разница в формальном отношении (то есть морфологические признаки) представляются нам менее значительными и могут рассматриваться в качестве дополнительных сведений в процессе определения иноязычного слова как такового.

Арабские слова, усвоенные ингушским языком в разные периоды, претерпевали в большей или меньшей степени фонетические изменения, обусловленные особенностями ингушского языка. При этом следует отметить, что часть арабизмов вошла в ингушский язык практически без изменений.

Непривычные для ингушского языка звуки арабского языка заменялись в процессе усвоения соответствующими по звучанию фонемами: *ф*→*п* (ингушская фонема *ф* – явление более позднего периода, обусловленное влиянием осетинского языка); *к*→*кь*; *б*→*п*, *в*→*б*. Кроме того, не свойственная ингушскому языку позиция стечения согласных разбивалась вставкой гласного звука, например: араб. *сабр* – инг. *сабар*. Некоторые арабские заимствования теряют в ингушском языке конечный звук *у* с последующим назальным –*н*: араб. *ларакьун* – инг. *кьаракь*, араб. *хьайванун* – инг. *хьайба* и др.

Кроме фонетических изменений, в отношении арабизмов в ингушском языке наблюдаются и семантические изменения в виде сужения или расширения их значений. Из них наиболее часто наблюдается сужение значения

заимствованного слова, то есть многозначное в языке-доноре слово теряет в языке-реципиенте одно или несколько своих значений.

Примером расширения значения заимствованного слова, которое наблюдается значительно реже, чем случаи сужения значения, может служить лексема *сурэт* (в арабском «образ»), в ингушском языке *сурт* – «образ», «картина», «рисунок», «фотография».

Арабские лексические заимствования образуют зачастую в ингушском языке синонимические ряды с исконными словами (типа *къам-халкъ* «народ»).

В ингушском языке наблюдаются редкие случаи семантических изменений в заимствованных арабских словах в виде нарушения или потери семантической связи с прототипом: араб. *хейр* «добро», «благополучие», в ингушском же *хейра* «польза», «на пользу».

Указанные изменения, которым подверглись в ингушском языке арабизмы, свидетельствуют об их глубоком семантическом освоении языком-реципиентом. Подтверждает это и анализ их морфологического освоения: арабизмы в ингушском языке имеют общую с исконными словами систему словоизменения и словообразования, то есть и исконные, и заимствованные из арабского языка слова образуют новые лексические единицы посредством собственно ингушских морфологических элементов.

Таким образом, большое количество арабских заимствований прочно закрепилось в лексической системе ингушского языка. Арабизмы активно употребляются в разговорно-обиходной и литературной речи ингушей.

При исследовании арабизмов ингушского языка порой возникает сложность определения непосредственного источника заимствования. Это объясняется рядом обстоятельств: во-первых, арабизмы проникали в ингушский язык через посредство как тюркских языков, так и многих дагестанских языков. Во-вторых, имеется часть арабизмов, вошедших в ингушский язык через грузинское и русское посредство. «Иногда достаточно сложно отделить прямые заимствования из языка-источника от заимствований, которые могли проникнуть через грузинское или иное посредство» [1, с. 110]. В-третьих, в собственно арабском языке, безусловно, часть лексики также является заимствованной. Соответственно, все указанное не позволяет говорить о безусловном заимствовании ингушским языком всех арабизмов из арабского языка.

В этой связи представляются актуальными и востребованными исследования кавказоведов по расширению эмпирической базы научных работ по изучению исторического контактирования и взаимовлияния языков. Изучение арабизмов в нахских языках в целом (преимущественно в чеченском и ингушском языках, в силу особого статуса бацбийского языка, являющегося бесписьменным и одновременно испытывающим колоссальное влияние грузинского языка) представляет безусловный интерес не только для исследования заимствованной лексики ингушского языка, но и с точки зрения изучения собственно арабского языка, получающего в последние десятилетия всё большее распространение в Ингушетии в связи с активным влиянием исламской культуры. Однако вся эта работа должна строиться на научной базе, с учётом результатов по контактам нахских языков с языками других семей.

Список литературы

1. Киева З. Х. Современный ингушский язык. Лексикология и фразеология / З. Х. Киева, М. М. Султыгова. – Магас: ООО «Кеп», 2017. – 234 с.
2. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка / А. С. Куркиев. – Грозный, 1979. – 254 с.
3. Оздоев И. А. Ингушско-чеченско-русский словарь / И. А. Оздоев, А. Г. Мациев, З. Д. Джамалханов. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. – 212 с.

4. Реформатский А. А. введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М., 1960. – 432 с.

5. Султыгова М. М. Сельскохозяйственная лексика ингушского языка / М. М. Султыгова. – Махачкала : Алеф, 2017. – 256 с.

References

1. Kieva Z. H., Sultygova M. M. Sovremennyy ingushskij yazyk. Leksikologiya i frazeologiya. Magas: ООО «Кер», 2017. 234 з.

2. Kurkiev A.S. Osnovnye voprosy leksikologii ingushskogo yazyka. Groznyj, 1979. 254 p.

3. Ozdov I.A., Maciev A.G., Dzhamalhanov Z.D. Ingushsko-chechensko-russkij slovar'. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 212 p.

4. Reformatskij A.A. vvedenie v yazykoznanie. M., 1960. 432 p.

5. Sultygova M.M. Sel'skohozyajstvennaya leksika ingushskogo yazyka. Mahachkala : Alef, 2017. 256 p.